

Научная статья

УДК 316.75

DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.11>

EDN EOZAGK

**Влияние цивилизационного своеобразия российской ментальности
на характер правовой культуры и правопонимания****Олег А. Стойко¹**¹Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россияe-mail: stoiko.oleg-stoiko@yandex.ru**Аннотация**

Введение. Под влиянием современной внешнеполитической ситуации актуализировалась проблематика социальных наук, ориентированная на исследование российской цивилизационной идентичности и связанной с ней специфики общества и культуры. В частности, это относится к проблеме выявления и исследования влияния цивилизационных предпосылок на формирование устойчивых характеристик правосознания россиян. Статья посвящена анализу этой проблемы.

Методы. Теоретико-методологическим основанием статьи является концепция габитусов П. Бурдьё, позволяющая исследовать дорефлексивные неосознаваемые схемы социального поведения; теории ментальности, и в частности правовой ментальности; методология цивилизационного анализа, дающая возможность выявить черты общности и различия российской и европейской цивилизаций.

Результаты и их обсуждение. В статье показано, что влияние цивилизационной дистанционности России и Запада на правовую культуру россиян происходит через действие исторически сформировавшихся социокультурных характеристик, в частности специфики восприятия государства как сакрализованной инстанции. Осуществлен цивилизационный анализ общности и различия правовой культуры в российском и западном социумах. На этом основании предложена операционализация ключевых теоретических понятий для разработки программы эмпирического социологического исследования состояния правовой культуры населения Юга России.

Ключевые слова: цивилизация; ментальность; правовая культура; правосознание; государство; дорефлексивные структуры; цивилизационный анализ; социокультурная модернизация.

Для цитирования: Стойко О.А. (2024). Влияние цивилизационного своеобразия российской ментальности на характер правовой культуры и правопонимания. *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), с. 122–132. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.11>.

**The influence of the civilizational uniqueness of the Russian mentality
on the nature of legal culture and legal understanding****Oleg A. Stoyko¹,**¹Adygea State University, Maykop, Russiae-mail: stoiko.oleg-stoiko@yandex.ru**Abstract**

Introduction. Under the influence of the current foreign policy situation, the problems of social sciences have become updated, focused on the study of Russian civilizational identity and the associated specifics of society and culture. In particular, this relates to the problem of identifying and studying the influence of civilizational prerequisites on the formation of stable characteristics of the legal consciousness of Russians. The article is devoted to the analysis of this problem.

Methods. Theoretical and methodological articles are the concepts of habitus by P. Bourdieu, who is able to consider pre-reflective unconscious patterns of economic behavior; concepts of mentality and, in particular, the rights of mentality; methodology of civilizational analysis, which makes it possible to identify commonalities and differences between Russian and government civilizations.

The results and their discussion. The article shows that the influence of civilizational distance between Russia and the West on the legal culture of Russians occurs through the action of historically formed sociocultural characteristics, in particular, the specifics of the perception of the state as a sacralized authority. A civilizational analysis of the commonality and differences of legal culture in Russian and Western societies was carried out.

On this basis, an operationalization of key theoretical concepts is proposed to develop a program for empirical sociological research on the state of the legal culture of the population of the South of Russia.

Keywords: civilization; mentality; legal culture; legal consciousness; state; pre-reflective structures; civilizational analysis; sociocultural modernization.

For citation: Stoyko O.A. (2024). The influence of the civilizational uniqueness of the Russian mentality on the nature of legal culture and legal understanding. *Caucasian Scientific Bridge*, 7 (1), p. 122–132. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.11>.

Введение

В настоящее время в социальных науках актуализировались исследования цивилизационной идентичности России и связанной с ней специфики российского социума и его культуры. В частности, это касается задачи выявления цивилизационных предпосылок формирования устойчивых характеристик правовой культуры российского общества. Благодаря своему непосредственному влиянию на формирование социокультурной ментальности базовые цивилизационные факторы опосредованно – через ментальность – влияют на социальные практики в целом и на практики правоохранительных и правоприменительных институтов в частности. Многолетнее доминирование формационного подхода в социальных науках привело к закреплению по умолчанию в теоретических представлениях уверенности в том, что институциональное строение общества является самодостаточным, а социокультурные характеристики вторичны. Именно поэтому оказались возможными вестернизирующие стратегии модернизации, предлагавшие копирование институтов, сформировавшихся в рамках западного модерна, как самодостаточный сценарий эффективной модернизации незападных обществ. В том числе предполагалось, что системная трансформация правовых институтов (она началась в конце 90-х гг. XX в.) сама по себе приведет к формированию у населения и общества в целом правовой культуры современного типа с высокой ценностью права и обеспечит эффективное функционирование институтов в правовой сфере. Однако этот процесс длится долгое время, не приводя к искомому результату, что заставляет в поиске причин такого положения обратиться к исследованию стоящих за ним цивилизационных и социокультурных факторов.

Методы. В ряде современных социологических концепций господствует представление о генезисе институтов на основе закрепившихся спонтанных траекторий социальных практик, и тем самым институты предстают как генетически несамодостаточные структуры, лишь оформляющие такие практики. Так, например, у П. Бурдьё в основании социальных практик лежат не только институты как структуры, но и «укорененные структуры», или габитусы, опривыченные устойчивые паттерны и траектории (Бурдьё, 2001). «Укорененные структуры» Бурдьё, образующие габитус, являются по своей природе дорефлексивными, т.е. неосознаваемыми. Участвуя в конфигурировании социальных практик, они выступают как некие константы, на бессознательном уровне определяющие их характер. Мы полагаем, что такие структуры, выходя за рамки теории Бурдьё, можно с определенным основанием идентифицировать с ментальностью. Именно через ментальность транслируется и воспроизводится влияние на общество и индивидов тех факторов, которые связаны с цивилизационными корнями различных культур.

В данном исследовании мы воспользуемся концепцией ментальности для того, чтобы очертить сферу непосредственного воздействия цивилизационных факторов. Мы будем рассматривать ментальность как некое культурно-средовое образование, испытывающее влияние макросоциальных и макроисторических процессов, в рамках которых действуют факторы цивилизационного масштаба, и транслирующее это

влияние на социальное поведение. Это связано с непосредственной целью статьи – выяснением того, как именно цивилизационные особенности, присущие российскому обществу, оказывают влияние на правовую культуру и профессиональные практики работников правоохранительных и правоприменительных институтов и на поведенческие практики рядовых граждан.

Результаты и их обсуждение

Как отмечают исследователи, правовая культура как понятие имеет своим референтом связанный с правом аспект общечеловеческой культуры. Уровень и специфика правовой культуры отдельных рядовых акторов, как правило, в целом соответствуют уровню правовой культуры функционирования правовых институтов и их работников, а также уровню правовой культуры, демонстрируемому государством как макроактором социальных взаимодействий. При этом авторы отмечают, что правовая культура должна рассматриваться как духовно-ментальная основа правовой системы социума (Бялт, 2018). Таким образом, правовая культура целостна и воспроизводится обществом в процессе социокультурной трансляции именно в своей целостности, неся на себе отпечаток ментально-духовных особенностей, характерных для конкретного общества.

В современном российском обществе структура правовых институтов соответствует на формальном уровне универсальным критериям развитого правового общества. Российская правоведческая мысль традиционно рассматривала российское право как исторически и типологически относящееся к романо-германской правовой семье, и это предполагает общность с ней критериев и принципов правопонимания. Таким образом, своими корнями присущий российской культуре тип правопонимания восходит к европейской цивилизации. Это общее правопонимание базируется на представлении о ценности прав личности и гражданских свобод, позволяющих реализовать эти права; на значимости конституции и законодательства как источника права; на принципиальной значимости правового государства; на принципе разделения властей как фундаментальном для организации общества и обеспечивающем реальную независимость судебной власти от других ветвей. Эти общие принципы не только являются принадлежностью европейской правовой культуры, но универсальны и определяют рациональный характер современной правовой культуры как таковой, в рамках которой право понимается как базовый эффективный регулятор социальных взаимодействий, обеспечивающий рациональность функционирования институтов и регламентирующий поведение акторов в повседневных ситуациях.

Следует отметить, что важной характеристикой правовой культуры является ее непосредственная связь с поведением акторов, поскольку именно в лоне культуры, на основе ее ценностей и норм формируются поведенческие мотивации, в дальнейшем находящие практическое выражение в поведенческих практиках (Руф, 2022). Таким образом, правовая культура является проводником влияния принципов правопонимания на непосредственную фактуру поведенческих практик в ситуациях, связанных с правом, с одной стороны, мотивируя их, а с другой – регламентируя их изнутри, из сформированного правовой социализацией культурного мира индивида (Абдилов, 2020).

Будучи частью культуры общества, правовая культура испытывает на себе влияние общественной ментальности и менталитета, выражая и транслируя исторически сформировавшиеся и обусловленные на культурно-цивилизационном уровне черты. Говоря о том, как и из чего складывается своеобразие локальных цивилизаций, Р.П. Трофимова подчеркивает, что российская и европейская локальные цивили-

зации сформировали два различающихся типа ментальности, кристаллизовавшихся в двух типах личности. Для Европы характерна личность «аристотелевского» типа, с доминирующим рациональным началом и главенствующими идеями свободы, законопослушного поведения, естественных прав человека, тогда как для России – сократо-платоновский тип, ориентированный, скорее, на поиск справедливости и правды (Трофимова, 2011).

Таким образом, наряду с указанной выше общностью правопонимания в рамках романо-германской семьи права имеет место существенное различие между западной и российской модификациями европейской цивилизации в плане общественной ментальности.

Ментальность, согласно О.Н. Стрельник, включает в себя существующие на неосознаваемом уровне базовые поведенческие паттерны и установки, стереотипы, коллективные представления (Стрельник, 2016). При этом между исследователями существуют разногласия в понимании ментальности как феномена. По мнению Р.А. Лубского, в современном социально-гуманитарном знании наличествует три подхода к пониманию менталитета и ментальности. При первом подходе ментальность понимается как совокупность осознанных коллективных представлений, которые в своей основе имеют в том числе символические структуры и сакральные ценности. Второй подход интерпретирует ее как главным образом неосознаваемые архетипические компоненты культуры. Согласно третьему подходу в ментальности видят единство неосознаваемых глубинных и более поверхностных, выходящих в сферу осознанности компонентов (Лубский, 1999). Нам представляется, что именно третий подход обладает наибольшим потенциалом, так как позволяет связать укорененные в бессознательном установки и стереотипы поведения с их проявлениями на осознаваемом уровне.

Правовая ментальность как более частная сфера коллективной ментальности представляет собой, согласно формулировке А.В. Муруновой, системообразующий фактор, воспроизводящий определенный национальный тип правового мышления, развития правовых традиций (Мурунова, 2016). Являясь дериватом и компонентом ментальности общества в целом, правовая ментальность осуществляет преломление базовых неосознаваемых черт мировосприятия, присущих населению на массовом уровне, сквозь призму ситуаций и взаимодействий, регламентируемых правом. Такие черты определяются более фундаментальными общими особенностями мировосприятия, характерными для той или иной цивилизации.

Поскольку ментальность в таком понимании содержит в себе и осознаваемый, и дорефлексивный (неосознаваемый) пласты, она может в своих содержаниях расходиться с рационально осознанными версиями правопонимания, являющимися общими для российской и западноевропейской культур.

Россия как цивилизационное образование дистанцирована по ряду критериев от цивилизации Запада, хотя имеет то же ядро культурной традиции – сакральные ценности христианства. Дистанцированность, о которой идет речь, объясняется не только географической удаленностью, но и тем, что российская цивилизационная идентичность обладает латентным сакральным измерением, которое составляет православная религиозность и ассоциируемые с ней ценности (Панарин, 2002). Таким образом, наличествует не только общность духовных корней, но и существенные догматические и культурные отличия от западных ветвей христианства. При этом, как утверждает А.С. Панарин, российской цивилизационной идентичности присуща некоторая дуалистичность: в ней есть и осознаваемая (связанная с социальной повседневностью) сторона, и упомянутый выше латентный неосознаваемый сакраль-

ный компонент (Панарин, 2002). Православная религиозная традиция с ее унаследованными от византийской культуры паттернами способствовала долгосрочному формированию неосознаваемого отношения к государству прежде всего как к сакральной инстанции, роль и сущность которой несводимы к повседневному функционалу государства.

При этом, как отмечает А.В. Лубский, особенность российской цивилизации определяется тем, что государственность является в ней доминантной формой интеграции общества, выступая субъектом установления ценностно-нормативного порядка. Характеризуя культурно-цивилизационную значимость государственности для россиян, А.В. Лубский пишет: «Российской цивилизации присущи мобилизационно-модернизационный алгоритм социального развития и особый культурный код как совокупность коллективно-бессознательных образов, ценностей и установок. Базовыми структурами этого кода являются этатизм и державность, социоцентризм и патернализм, выступающие культурными маркерами цивилизационной идентичности в России» (Лубский, 2015, 41).

Естественно, что такие культурные маркеры, отличающие российскую цивилизационную идентичность и имеющие корни в неосознаваемых пластах коллективной ментальности, присутствуют и находят выражение и на более локальных уровнях, в том числе в правовой ментальности, оказывающей прямое влияние на отношение к праву. В рамках европейской цивилизации высокий уровень правовой культуры идентифицировался обществом как соответствующий такому состоянию коллективной ментальности, для которого и единичная личность, и крупнейшие макроакторы – государство и его институты – ощущаются и рефлексированы как равные игроки правового поля, важнейшим правилом игры для которых является равенство их перед законом, несмотря на все различие масштабов их практик.

Для такого типа правопонимания ценность права является доминирующей – и именно потому, что правовые институты выступают как эффективный и работающий на основе рациональности механизм защиты индивидуальных прав. Эта эффективность находит постоянное подтверждение в профессиональных практиках функционеров правовых институтов, в равной степени уважающих и защищающих права и интересы как индивидуальных, так и самых масштабных макроакторов, понимая, что интересы государства и граждан совпадают в том, чтобы поддерживать сложившийся правопорядок и в целом установленный социальный порядок.

Цивилизационная специфика российского общества, связанная, как показали А.С. Панарин и А.В. Лубский, с действующей на неосознаваемом уровне коллективной ментальности сакрализацией государства, способствует формированию иной установки. Она состоит в бессознательном принятии фундаментального, непреодолимого различия между государством и его целями, с одной стороны, и индивидуальным бытием человека в обществе, его повседневными практиками – с другой. Такая неосознаваемая установка, как нам представляется, является фактором, влияющим на правовую ментальность и состояние правовой культуры, создавая внутреннее оправдание дефицита реальной независимости суда, неравенства государства и личности в правовых ситуациях, а следовательно, наличия на уровне коллективных представлений скрытых ограничений прав личности при декларативной готовности их обеспечивать и поддерживать. Кроме того, данная установка является мировоззренческой базой определенной дисфункциональности правоохранительных и правоприменительных институтов, так как может неосознанно мотивировать работников выходить за рамки санкционированных законом методов работы с индивидами, оправдывая это служением государству как сверхценности.

Однако эта особенность правопонимания трудно коррелирует с универсальными образцами рациональной правовой культуры, характерной для современных развитых обществ. Для окончательного утверждения в российском социуме правовой культуры рационального типа необходимо, как подчеркивает Н.Е. Тихонова, завершение социокультурной модернизации, «формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов, а также рационального типа мышления и внутреннего локус-контроля, что, в совокупности, и создает базу для формирования и успешного функционирования новых социальных институтов» (Тихонова, 2012, 64). Однако, хотя эти строки писались десять лет назад, даже и в настоящее время социокультурная модернизация в России не завершена, что обусловлено действием целого ряда цивилизационно-ценностных и внешнеполитических ограничителей.

О *цивилизационно-ценностных ограничителях* необходимо сказать следующее. Архетипический пласт коллективной ментальности россиян, сложившийся в значительной мере под влиянием православного византизма, включает в себя устойчивый комплекс представлений о сверхзначимости и сверхценности государства, воплощении в нем идеи всеобщего блага и надысторической справедливости. На базе этого комплекса представлений сформировано доверие к государству и готовность жертвовать для него при необходимости индивидуальными желаниями и потребностями, правами личности и собственной жизнью. Однако это доверие отличается от того, которое характерно для развитого гражданского общества. Если последнее обусловлено правовым характером государства, гарантированным отсутствием произвола, состоявшимся разделением ветвей власти, независимостью и эффективностью суда, ориентированностью функционирования правоохранительных институтов на защиту и соблюдение гражданских прав, прав личности, конституционного порядка, то доверие россиян, основывающееся на архетипических установках культурной ментальности, является априорным и не допускает критического анализа реальных характеристик государства как макроактора «здесь и сейчас». В особенности это касается трудных ситуаций, когда именно государство предстает основой социальной интеграции, вокруг которой необходимо сплотиться для преодоления трудностей.

При этом в данной парадигме коллективного восприятия государство практически не ассоциируется с правом. Оно стоит несоизмеримо выше в иерархии общественных ценностей, а с функциональной точки зрения рассматривается как способное в своих кратических практиках и вовсе легитимно в рамках традиционной культуры оперировать вне правового поля, если усмотрит в этом необходимость.

Рационально ориентированное правопонимание существует в этой культурно-ментальной атмосфере как нечто востребованное в социальных практиках, но в границах, определяемых уровнем индивидуальных или групповых взаимодействий. На этом уровне к акторам предъявляются требования и критерии правовой культуры рационального типа, взаимодействия четко регламентируются правом, судебные практики осуществляются в условиях относительной независимости и реальной ответственности процесса.

Кроме того, для такого понимания роли государства в российской истории всегда существовали и продолжают существовать в качестве основания объективные *геополитические ограничители*, тоже в своих истоках связанные с цивилизационной дистанцией между Россией и Западом. Западная цивилизация, несмотря на значительное число внутриевропейских военных и политических конфликтов в прошлом, всегда характеризовалась единством культурной ментальности, мироощущения, базовых коллективных представлений. Россия воспринималась Западом как потен-

циальный соперник. Наличие сильного недружественного окружения всегда было фактором, определявшим необходимость социальной мобилизации как базовой стратегии государства и общества, а также особую интегрирующую роль государства, о которой говорилось выше.

Эти геополитические обстоятельства, накладываясь на культурно-цивилизационные характеристики, также способствовали закреплению в ментальности россиян представления об особой роли государства, его позиционированию в обществе и культуре в качестве эксклюзивного макроактора, практически доминирующего над правом.

Модернизационные шаги всегда были направлены на сближение с Западом, преодоление цивилизационного лага между ним и Россией – просто уже в силу того, что в промышленном и технологическом отношении западная цивилизация развивалась с опережением и с Западом необходимо было выдерживать конкуренцию. В этом контексте происходили и многочисленные попытки заимствования институциональных форм, которые ассоциировались с западным модерном и рассматривались как универсально-прогрессивные. Реформы институтов, в том числе судебной системы, внедрение в российскую судебную практику принципа состязательности сторон, принятие первой российской конституции, ограничивавшей произвол государственной власти, – все это представляло собой заимствования образцов, сложившихся в рамках западной цивилизации. Усилия по укреплению правовой культуры рационального типа, таким образом, с самого начала были частью комплекса модернизационных реформ, но периодически сталкивались с сопротивлением со стороны традиционалистски ориентированного общества. Усложнение геополитической ситуации, внешнеполитические и внутренние конфликты всегда в истории России выступали фактором ограничения модернизационных преобразований ради укрепления государственности и более интенсивной социальной мобилизации. Возврат традиции ограниченного социального порядка (исторической колеи) проявляется в закреплении репрессивного характера права на уровне юридических институтов, что отражается в укреплении дорефлексивного компонента правопонимания с его сакрализацией государства, дефицитом ценности права и резким сужением рационального правопонимания – ценности гражданских прав и свобод, возможности контроля государства со стороны общества.

Перспектива эмпирического исследования. Очередная в истории России масштабная модернизация основных социальных институтов началась в 90-х гг. XX в. Заимствование в период модернизации институтов и ценностно-нормативного комплекса, сформированных в рамках западной цивилизации, и связанная с этим перераспределение социальных практик на принципы правовой культуры рационального типа способствуют утверждению и продвижению этих принципов в общественном сознании, его трансформации в сторону укоренения рациональности в социальных представлениях. Эти процессы становятся основой для формирования правовой культуры рационального типа, аналогичной сложившейся в развитых обществах Запада и соответствующей изначальной цивилизационной общности России и Европы, базой которой являются сакральные ценности христианской религиозной традиции (единой до схизмы). Вместе с тем рост числа геополитических угроз, укрепление в ответ на них российской цивилизационной идентичности, политическое дистанцирование России от западноевропейской цивилизации, которые развиваются в XXI в., выступают факторами, способствующими торможению модернизационных реформ, воспроизводству традиционной ментальной матрицы и тем самым свертыванию рационального правопонимания.

Определенный возврат к традиционному порядку ограниченного доступа, который сопряжен с усилением репрессивности правового регулирования, актуализи-

рует неосознаваемые иррациональные установки, связанные с этакратическими элементами цивилизационной специфики России, сакрализацией государства, а также обусловленные социокультурными травмами фобий в содержании глубинного слоя коллективной ментальности, вытесняет право на периферию ценностей в общественном сознании, создает ограничения для процесса развития и утверждения рациональной правовой культуры, которая предполагает равенство акторов всех уровней в правовом поле, равную ценность и социальную значимость позиций личности и государства.

Этот тезис является гипотезой эмпирического социологического исследования состояния современной правовой культуры российского общества. Бесспорно, что проявление этого «эффекта колеи» в правовой культуре будет различно в разных регионах России. Значительные трудности в разработке программы исследования возникают при переводе понятий цивилизационной теории на язык инструментария социологического опроса. В ходе теоретического анализа правовой культуры осуществлена операционализация базовых понятий.

Российские цивилизационные ценности представляют собой дорефлексивный уровень ценностного сознания, на котором основывается правопонимание. Его ведущими ценностями являются этатизм, державность, социоцентризм, патернализм.

Этатизм – представление о том, что государство должно определять жизнь общества, контролировать все сферы его функционирования – экономику, политику, культуру, социальную поддержку

Державность – представление о роли страны в качестве великой и объединенной общей идеей и волей, определяющей смысл существования народа

Социоцентризм – представление о приоритете интересов общества (государства) по отношению к интересам личности.

Патернализм – представление о том, что государство (власть) обеспечивает удовлетворение базовых потребностей граждан, а граждане признают модели поведения, которые вменяются государством.

На дорефлексивном уровне эти ценности реализуются в образе сильного государства, суверенного на международном уровне (которое проводит независимую политику, направленную на утверждение равноправия всех государств, независимо от уровня их экономического развития), обеспечивающего удовлетворение базисных потребностей граждан; граждане которого едины в представлениях о приоритете общественных ценностей над индивидуальными и духовных ценностей над материальными.

На рациональном уровне эти ценности и установки дешифрованы в доктрине государственной поддержки традиционных и духовно-нравственных ценностей России, которые включают «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России» (Указ Президента РФ..., 2022).

Тем самым в правопонимании сочетаются персоноцентричные (достоинство, права и свободы человека, крепкая семья, созидательный труд) и социоцентричные ценности (патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России).

Правопонимание включает:

- аксиологическое отношение к праву (его ценностная безусловность и мотив деятельности) и отношение к праву как к регулирующей норме, определяющей санкции за нарушение правопорядка, степень совпадения права и справедливости;
- роль государства в организации правопорядка: отношения государства и личности, государства и общества; представление о правовом государстве; статус государства в иерархии источников права (обычай, закон, традиция);
- правовые институты, которые ответственны за поддержание правового порядка: МВД, суд, прокуратура, адвокатура; в правовопонимании проявляется отношение к этим институтам по оси «доверия – недоверия» с точки зрения защиты личности; представления о независимости суда от органов государственной власти; иерархия суда, прокуратуры, адвокатуры в судебном процессе; роль МВД в обеспечении правопорядка и защиты личности.

Измерение дорефлексивных и рефлексивных ценностей, а также ценностей и установок правовопонимания предполагает построение шкальных значений по оси «социоцентризм – персоноцентризм». Первая позиция соответствует цивилизационным российским ценностям, в составе которых доминирует государство как источник права; вторая – ценностям правовой культуры, где государство выступает одним из акторов правовых отношений. Предполагается, что эмпирические замеры правовой культуры в городском населении Юга России выявят распространенность коллективных представлений дорефлексивного уровня, которые по степени поддержки будут совпадать с рациональными ценностями социоцентричного профиля и оттеснять на периферию коллективных представлений ценности гражданских прав и свобод. На уровне правовопонимания это проявится также в распространении недоверия судам и адвокатуре в сфере защиты гражданских прав и свобод личности, а также в сохранении представлений о роли государства как источника права.

Заключение

Парадигма представленного цивилизационного анализа России показывает ее как относительно самостоятельное цивилизационное образование, географически, культурно-исторически и социокультурно дистанцированное от цивилизации Запада, но имеющее с последней общий генетический исток и единое ядро культурной традиции, каковыми являются сакральные ценности и символизм христианства. Выделенные парадигмальные рамки позволяют рассматривать влияние цивилизационного своеобразия российского общества на состояние правовой культуры россиян в настоящее время.

Сформированная под влиянием перечисленных долговременно действующих факторов коллективная ментальность, в том числе и правовая, продуцирует как неосознаваемые, так и осознанные установки по отношению к праву, его ценности, значимости и роли в качестве регулятора социальных взаимодействий. И если на уровне осознанности коллективная ментальность является более гибкой и трансформируемой, реагируя на воздействие инокультурных вторжений и заимствований, имеющих место уже на протяжении столетий и интенсифицирующихся в периоды модернизационных витков, когда поток заимствований особенно интенсивен, то на неосознаваемом уровне могут сохраняться глубоко укорененные содержания. Такие содержания фиксируют иррациональные архаичные установки по отношению к праву и правовой культуре рационального типа, обеспечивая тем самым неосознаваемое сопротивление ей со стороны глубинных слоев ментальности. Эти установки высту-

пают составной частью культуры, которая оказывает большое влияние на функционирование и/или формирование институтов. Модернизационные преобразования институциональной системы по моделям, сформировавшимся в западном культурном пространстве, сталкиваются с глубинными препятствиями. Причину этого некоторые исследователи видят в феномене *path dependence* – зависимости от пройденного исторического пути. Автор термина, П. Дэвид, характеризует такую зависимость как повторяющийся сбой выбора, совершаемого акторами на протяжении истории: «Зависимость от предшествующего развития – это такая последовательность экономических изменений, при которой важное влияние на возможный результат могут оказать отдаленные события прошлого, причем скорее случайные события, чем систематические закономерности» (David, 1994).

Концепция П. Дэвида получила развитие в работах экономистов, в первую очередь – у Д. Норта. В отечественной науке это явление исследуется известным экономистом А.А. Аузаном через понятие «эффект колеи» (Аузан, 2015). Большей частью этот эффект рассматривается в рамках функционирования экономических институтов. Зависимость от прошлого социального опыта и пройденного исторического пути способна блокировать социальные процессы экзогенного происхождения, т.е. объективно препятствовать попыткам модернизации, источником которых является заимствование инокультурных (внешних) моделей.

Реформирование в постсоветский период всех правоохранительных институтов России нацелено на формирование рационального правосознания, соответствующего принципам гражданских прав и свобод, заложенных в Конституции РФ (1993). Эмпирическое изучение правовой культуры российского общества способно выявить влияние цивилизационной ментальности на правопонимание, а перевод таких исследований в формат мониторинга – определить вектор такого влияния. Это позволит рассмотреть форму проявления «эффекта колеи» в сфере правовой культуры.

Литература

- Абдилов, К.С. Общая характеристика правовой культуры / К.С. Абдилов // *Инновационная наука*. – 2020. – № 4. – С. 134–136.
- Аузан, А.А. «Эффект колеи». Проблемы зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез / А.А. Аузан // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. – 2015. – № 1. – С. 3–17.
- Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
- Бялт, В.С. Правовая культура общества: теоретико-правовая характеристика / В.С. Бялт, А.В. Демидов // *Ленинградский юридический журнал*. – 2018. – № 1. – С. 19–25.
- Лубский, А.В. Государство-цивилизация и национально-цивилизационная идентичность в России / А.В. Лубский // *Гуманитарий Юга России*. – 2015. – № 2. – С. 30–45.
- Лубский, Р.А. Политический менталитет: методологические проблемы изучения и российские реалии: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Р.А. Лубский. – Ростов н/Д, 1999. – 33 с.
- Мурунова, А.В. Правовая ментальность как духовный элемент правовой культуры / А.В. Мурунова // *Юридическая техника*. – 2016. – № 10. – С. 407–409.
- Панарин, А.С. Православная цивилизация в глобальном мире / А.С. Панарин. – М.: Эксмо, 2002. – 541 с.
- Руф, В.С. Правосознание и правовая культура как показатели уровня развития общества / В.С. Руф // *Уральский журнал правовых исследований*. – 2022. – № 3. – С. 64–68.
- Стрельник, О.Н. Ментальность как проблема философии и науки / О.Н. Стрельник // *Вестник РУДН. Серия: Философия*. – 2016. – № 1. – С. 35–43.
- Тихонова, Н.Е. Социокультурная модернизация в России: динамика и перспективы / Н.Е. Тихонова // *Россия реформирующаяся*. – 2012. – № 11. – С. 62–81.
- Трофимова, Р.П. Диалог культур и ментально-цивилизационные различия в современном мире / Р.П. Трофимова // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. – 2011. – № 2. – С. 48–55.
- Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022. № 809. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.

David, P. Why are institutions the “carriers of history”? Path dependence and the evolution of conventions, organizations and institutions / P. David // *Structural Change and Economic Dynamics*. – 1994. – Vol. 5, № 2. – P. 67–75.

References

- Abdilov K.S. General characteristics of legal culture. *Innovatsionnaya nauka. = Innovative science*. 2020; 4:134–136. (In Russ.)
- Auzan A.A. “The rut effect”. Problems of dependence on the trajectory of previous development – evolution of hypotheses. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika = Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics*. 2015; 1:3–17. (In Russ.)
- Bourdieu P. Practical sense. St. Petersburg: Aleteia; 2001. 562 p. (In Russ.)
- Byalt V.S., Demidov A.V. Legal culture of society: theoretical and legal characterization. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal = Leningrad Law Journal*. 2018; 1:19–25. (In Russ.)
- David P. Why are institutions the “carriers of history”? Path dependence and the evolution of conventions, organizations and institutions. *Structural Change and Economic Dynamics*. 1994; 5(2):67–75.
- Lubsky A.V. State-civilization and national-civilizational identity in Russia. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2015; 2:30–45. (In Russ.)
- Lubsky R.A. Political mentality: methodological problems of study and Russian realities: Thesis of the PhD Dis. in Philosophy. Rostov-on-Don; 1999. 33 p. (In Russ.)
- Murunova A.V. Legal mentality as a spiritual element of legal culture. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technology*. 2016; 10:407–409. (In Russ.)
- Panarin A.S. Orthodox civilization in the global world. Moscow: Eksmo; 2002. 541 p. (In Russ.)
- Ruf V.S. Legal awareness and legal culture as indicators of the level of development of society. *Uralskiy zhurnal pravovykh issledovaniy = Ural journal of legal research*. 2022; 3:64–68. (In Russ.)
- Strelnik O.N. Mentality as a problem of philosophy and science. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya = Bulletin of RUDN. Series: Philosophy*. 2016; 1:35–43. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. Sociocultural modernization in Russia: dynamics and prospects. *Rossiya reformiruyushchayasya = Russia is Reforming*. 2012; 11:62–81. (In Russ.)
- Trofimova R.P. Dialogue of cultures and mental-civilizational differences in the modern world. *Humanities. Vestnik Finansovogo universiteta = Bulletin of the Financial University*. 2011; 2:48–55. (In Russ.)
- Decree of the President of the Russian Federation “On approval of the fundamentals of state policy on preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values” dated 09.11.2022 No. 809. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 15.04.2024

Дата окончания рецензирования: 18.05.2024

Дата принятия к публикации: 25.05.2024

Информация об авторе

Стойко Олег Анатольевич – аспирант Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, Российская Федерация; e-mail: stoiko.oleg-stoiko@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Stoyko Oleg Anatolyevich – postgraduate student of Adygea State University, Maykop, Russia; e-mail: stoiko.oleg-stoiko@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare